

Я. НОВОМИРСКИЙ

Манифест анархистов-коммунистов

<Фрагменты>

Борьба классов

В первобытное время орудия труда были очень просты, так же просты были экономические отношения: деление труда на организаторский и производительный было в самом зачаточном состоянии.

Но когда развились производительные силы, естественно, отделилась функция* организаторская от производительной. Общество распалось на классы. Класс производителей ведет *непосредственную борьбу* с природой, изменяя ее, ассимилируя** ее посредством траты своей энергии. Класс организаторов *руководит* людьми в этой борьбе, организует их отношения в производстве.

С течением времени, класс производителей, неся тяжелое бремя труда, по невежеству и забитости попал в подчинение классу организаторов, которых сама их общественная функция делала просвещенными и сильными. Общество распалось на два враждующих класса — угнетателей и угнетенных, эксплуататоров и эксплуатируемых, господ и рабов.

Всякий господствующий класс, естественно, хочет сохранить навсегда свое привилегированное положение. С этой целью он должен твердо отстаивать существующую форму собственности и ее внешнее выражение — данную систему права.

Но как это сделать? Раньше всего, нужно освятить в глазах угнетенных существующие экономические и правовые отношения — создаются или развиваются разные религиозные или

* Проявление.

** Уравнивая.

философские системы морали*. Затем нужна сила, которая карала бы всякое нарушение права — создается суд, полиция, армия. Так вырастает неизбежно государство.

<...> Господствующий класс не только становится препятствием для дальнейшего развития общества, но делается общественно-беспольным, паразитом. Его назначение состояло в том, чтобы организовать общественное производство. С изменением производственных отношений вследствие технической переворота, эта организаторская роль переходит к другой общественной группе, вышедшей из рядов доселе однородной массы угнетенных.

Тогда классовая борьба принимает особенно жестокую форму. Новый организующий класс вступает в борьбу со старым, чтобы вырвать у него классовую диктатуру**, политическую гегемонию***. <...>

Вся историческая жизнь человечества написана кровью борьбы классов. В ней зачах Восток и задохся классический мир. <...>

Века технического развития опять выдвинули из среды единой угнетенной народной массы новый общественный слой — буржуазию, которая фактически стала организатором производства и превратила дворянина феодала**** в такого же паразита, как и древний рабовладелец. А голод, страдания и мятежи народа прекрасно доказывали, что феодальная форма собственности стала тормозом для буржуазного производства. Борьба и победа буржуазии***** над дворянством снова изменила форму эксплуатации: крепостной стал «вольным» рабочим, феодальная форма собственности сменилась буржуазной.

Но и буржуазное общество отжило уже свое время. Господствующий класс уже не в состоянии прокормить своих кормильцев рабочих. Безработица, кризисы, голодовки, болезни рабочего класса говорят об этом слишком красноречиво. А сама буржуазия стала уже такой же паразитической, как и прежнее дворянство. Гибель буржуазного строя, т. е. новая перемена в собственности, стала неизбежной — пробил торжественный час великой социальной революции.

* Нравочение.

** Власть.

*** Политическое первенство.

**** Владелец земли (помещик).

***** Купцы, торговцы, богатый человек.

Царство капитала

Современная буржуазная форма присвоения — частная собственность выросла на почве прежней, буржуазной форме производства, на почве так называемого ремесла.

Но великий технический переворот XVIII в. радикально изменил все производственные отношения. Мелкий ремесленник со своими примитивными* орудиями труда не мог конкурировать** с могучими орудиями крупного капиталиста. Шаг за шагом врывается крупный капитал со своей машиной во все уголки мелкого производства. <...>

Капитал имеет только одно стремление — непрерывно и безгранично увеличивать количество прибавочной ценности — количество выжатого и неоплаченного труда. <...>

Но недостаточно выжать возможно большей рабочей силы из соков работника: созданный трудом товар капиталист должен продать. И вот после бесстыдной, расточительной траты человеческих сил современных рабов начинается безумная борьба на рынке за сбыт кровавых продуктов, начинается конкуренция между самими капиталистами. И в этой борьбе более богатый торжествует победу и вырывает богатство из рук побежденная соперника.

Результатом ненасытной жажды произвести и сбыть возможно больше являются кризисы*** и колониальные**** войны. Рынок неизбежно переполняется товарами, которые не могут быть куплены обедневшей народной массой. Начинается сильное падение цен. Капиталисты сокращают или прекращают производство, торговые и финансовые сделки. Целые массы рабочих остаются без работы, на улице, под угрозой голода, нищеты и преступлений. Этот ужас продолжается до тех пор, пока так или иначе не будут раскуплены излишние массы товаров, не подымутся цены и не будет восстановлено равновесие: тогда кризис постепенно сменяется расцветом, чтобы снова уступить место еще более продолжительному, более глубокому и более суровому кризису. <...>

Кризисы, безработица и голод, громадный процент смертности рабочих, непосильное бремя налогов, солдатчина, которая

* Простой.

** Соревновать, соперничать.

*** Переходное состояние, время безработицы.

**** Индия — колония англичан; отдаленные владения государства.

убивает в человеке все свободное, гордое и светлое, проституция, — вот что принесла миру буржуазия. Но она не только убила благосостояние рабочих масс, она грубо ворвалась во все тайники человеческой жизни и загрязнила, опошшила ее. Уютную мастерскую она заменила грязной фабричной казармой, семью — проституцией, дух бесшабашной наживы сделала душой жизни, войну всех против всех — ее законом.

Она не постыдилась внести ложь и разврат в тот самый священный храм науки, в котором она еще недавно сама благоговейно приносила жертвы богу Разума. Ее лакеи, наемные ученые, начали позорную проповедь религии и метафизического* идеализма, созидать и восстанавливать самые безумные системы морали: они стали поднимать из праха все то, что она сама когда-то, в пору юности, так дерзко повергла на землю. <...>

Но, к счастью для человечества и культуры, в недрах современного общества родились силы, которые должны и могут положить конец царству Капитала. И эти силы растут с каждым днем. Их роста ничто остановить не может. Против них бессильны тюрьмы, войско и ложная наука. Медленно, но верно они подрыывают сами корни современного строя. *Эти силы — сознание и организация рабочего класса.*

Социальная революция

Все страдания и муки прежних угнетенных трудящихся классов не могли дать полную свободу труженику потому, что слишком слабы были производительные силы, чтобы полное экономическое равенство, т. е. совершенно вольная организация труда, повело человечество вперед, а не назад, и потому, что слишком неразвит был трудящийся класс, чтобы сам взял на себя руководство производством. Постоянно нужен был специальный организатор. Но, организуя производство, организаторы неизбежно становились во главе его: *экономическое первенство* рано или поздно приводило их к *политическому господству*, к классовой диктатуре. <...>

Капитализм сделал еще больше: он создал ту общественную силу, которая может и должна взять на себя задачу разрушения буржуазного общества — он создал современный пролетариат.

* Наука о сверхчувственном.

И не только создал, он сам разбудил его сознание и толкнул его на дело классовой организации.

В сущности капитализма лежит тенденция — уравнивать всех пролетариев перед деспотической волей капитала. Один и тот же рабочей день, одновременное начало и прекращение работ, одна и та же дисциплина, один и тот же эксплуататор, почти одна и та же плата! Все это невольно развивает в рабочих идею солидарности* их интересов, будит взаимное братское сочувствие. К тому же капитализм концентрирует** промышленный и торговый пролетарий в нескольких местах и этим неизмеримо увеличивает его силу, делает его господином промышленных центров и, можно смело сказать, господином даже всей страны.

Общая работа, общая борьба, общие страдания создают в пролетариате благородные мечты и сознание о его великом общественном значении и высокой исторической миссии***. И сознание это растет параллельно**** развитию капитализма. <...>

На последующей стадии развития капитализма, с полным торжеством крупного производства, машина железными цепями приковывает работника к капиталисту, хозяину и повелителю страны. Общество превращается в одну чудовищную фабрику, где повелевает один и тот же капиталист, угнетен и задавлен один и тот же рабочий. Ссоры между отдельными группами эксплуататоров все больше исчезают. Промышленные капиталисты, купцы, финансисты и землевладельцы превращаются в одну массу, один сплоченный класс, живущий соками рабочих. Но и среди рабочих исчезает рознь, отмирают различия и соперничество обученных и необученных тружеников, интеллигентные работники превращаются в настоящих пролетариев. Теперь борются не отдельные группы рабочих с отдельными капиталистами: это воюет Пролетариат и Буржуазия, Труд и Капитал. На этой ступени развития создаются громадные национальные и международные союзы рабочих и зреет мысль о единой всемирной организации Труда. Это эпоха генеральных стачек.

Что же будет дальше?

* Единомыслие.

** Сосредоточивает, собирает.

*** Назначение.

**** Соответственно.

Нужно быть слепым, чтоб не видеть, как на горизонте вырисовывается уже новый и последний фазис* борьбы рабочего класса.

Посредством генеральных** стачек, в рамках существующего строя можно добиться 8-ми или даже 7 часового рабочего дня, можно значительно повысить плату. Но дальнейшее совершенствование техники, рост армии безработных, выступление на арену новых капиталистических конкурентов, кризисы, повышение цен на предметы первой необходимости, рост налогового бремени сведут почти к нулю материальное значение завоеванных улучшений. Рабочие необходимо должны натолкнуться на барьер — на капитализм. Они должны тогда понять, что дело не в капиталистах одной страны или всего мира, а в самом капиталистическом строе. Тогда непосредственной целью борьбы станет Социальная Революция, программой для — уничтожения частной собственности на все средства производства. <...>

Коммунизм неизбежен

Что лежит в основе коммунизма? Ясный и точный принцип: каждому по его потребностям. Это значит, что все члены трудового общества имеют одинаковое право на удовлетворение всех своих насущных потребностей. Что современное общество сделало возможным коммунизм, об этом мы уже говорили. Нужно только показать, что всякая другая форма невозможна, что коммунизм *необходим*.

В самом деле, что говорит коллективизм? «Каждому по его труду» или иными словами: «Каждому продукт его труда».

Какая жалкая утопия!

Каждому по его труду! Но как измерить количество труда отдельной личности? <...>

Если мерой труда будет рабочее время, то как измерять рабочее время? Нужно ли признать, что все виды труда, все рабочие часы равны между собою?

Если все рабочие часы равны, то, при одном и том же рабочем дне, все платы будут также равны. А это ведь просто означает, что каждый член общества будет иметь право на одинаковую

* Степень развития.

** Общих.

долю общественного богатства. Это-то и есть окольное признание коммунизма, которого открыто добиваются анархисты.

Если же виды труда неравны между собою, то каким образом социал-демократическое начальство установит отношение между ними? Теперь это стихийно делает беспощадная конкуренция. Но она ведь исчезнет вместе с частной собственностью на средства производства. Кто же установит отношение между трудом ткача, портного и учителя? Кто и где найдет критерий* для оценки всех разновидностей человеческой труда? Никто и нигде, кроме произвольной законодательной власти.

Закон установит, кто, где, как и сколько должен работать. Закон же установит и отношение между всеми видами труда, т. е. кто какую плату должен получать за свой труд.

Ясно, что из платы каждого работника государство будет вычитать: 1) средства на содержание законодательной власти и исполнительных чиновников, 2) средства на содержание неработоспособных, 3) расходы по поддержанию общественных учреждений, 4) на вознаграждение свыше средней нормы тех видов труда, которые закон признает более сложными. Сколько нужно невежества и бесстыдства, чтоб утверждать, что при таких обстоятельствах каждый получит по своему труду! Ведь с таким же правом и современный буржуа может утверждать, что в буржуазном обществе каждый рабочий получает соответственно своему труду, соответственно количеству затраченной энергии.

Чем отличается тогда пресловутый коллективизм от капитализма? Рабочая плата остается нетронутой, рабочий день регламентируется законом, экономическое неравенство сохраняется, а главное, в силе остается самый позорный институт современности — наемный труд... Что изменилось? Но всей вероятности, плата несколько повысится. Вот и всё. Исчезнет ли безработица, этот бич работника? Нисколько. <...> Производство впадет в такой бессмысленный хаос, который является не анархией, а ее сквернейшей карикатурой**.

Избегнуть этого хаоса государство сможет только двумя способами: или не платить излишним работникам и этим заставить их перейти в другие отрасли труда, где их рабочая сила нужна, или заставляя заниматься тем или иным трудом.

* Здоровое суждение.

** Рисунок в смешн[ом] виде.

Первый способ вполне восстанавливает современный капитализм, второй идет дальше и воскрешает все прелести рабства. Разница только та, что теперь работодатель или рабовладелец будет добровольно избран народом посредством всеобщего голосования, и их иго будет еще прочнее, так как будет покоиться на фикции* народного самодержавия. <...> Коллективизм есть только Государственный Капитализм. Рабочий станет вполне рабом своего хозяина — Государства, так как исчезнет единственное ограничение произвола современного капиталиста, именно: конкуренция между самими капиталистами. Государство будет единственным обладателем капитала, единственным работодателем и единственным обладателем власти. Власть хозяина, судьи и полицейского будет сосредоточена в руках одного чудовища — Государства, вездесущего и всеильного.

Понятно, что судьи, чиновники, вообще как называемые интеллигентные работники приобрели бы небывалое влияние. За феодальной аристократией меч и буржуазной аристократией золотого мешка выросла бы новая аристократия, аристократия знания. Как ужасно было бы *это* иго, трудно представить себе теперь.

К счастью коллективизм является такой же реакционной** утопией***, как и феодализм. Новая социальная революция покончила бы с этим новым видом рабства и осуществила бы тот общественный строй, который один только может быть прочным наследником капитализма, именно: полный коммунизм, т. е. общую собственность на все средства производства и продукты потребления.

Но коммунизм в экономической власти неизбежно должен увенчаться анархией в области политической. Поэтому рядом с полным уничтожением частной собственности должно идти полное уничтожение Государства.

Государство

Что такое государство? Мы уже знаем ответ на этот вопрос. Государство, это организация для охраны *существующей* формы собственности, т. е. *данной* формы эксплуатации. <...>

* Вымысел.

** Движение назад.

*** Неосуществленная теория.

Но и восточная деспотия, и городская коммуна, и вольный Новгород, как и всякое государство, имеют одну основную задачу — охранять существующую форму собственности. Как это сделать? Способ только один: предупреждать и карать всякое покушение на нее.

Это достигается раньше всего тем, что постепенно создается целая система общеобязательных норм, система права. На этой почве рано или поздно вырастает специальный орган — законодательная власть. <...> В буржуазном обществе *официально* законодателем является самодержавный народ, *фактически* собрание делегатов буржуазии — парламент, подобно тому, как *официально* в буржуазном обществе каждый человек получает из национального богатства пропорционально своей общественной полезности, а *фактически* все богатство — в руках одной буржуазии: как в производстве рабочие тратят свою жизнь только для того, чтоб увеличить *материальную* мощь буржуазии, так в парламенте представители рабочих только усиливают авторитет *политической* диктатуры буржуазии.

Кроме законодательной власти, нужен орган, который имеет своим назначением решать вопрос о том, нарушен ли закон и какой именно. Это — суд. Выбирается ли судебная власть господствующим классом посредством голосования или жребия, назначается ли королем или избирается всем народом, она может иметь только одну задачу — карать всякое нарушение существующего права.

Завершением государства является исполнительная власть, в руках которой находятся вся материальная сила, которая изо дня в день предупреждает, пресекает и карает. Это правительство с полицией, шпионами, жандармами и армией. Различная организация правительственной власти в различные времена и в разных местах вытекала только из потребности приспособиться наилучше к данным общественным отношениям.

Все эти части государственной власти связаны между неразрывными узлами, как звенья одной цепи. Где существует малейший зародыш власти, хотя бы только в виде обязательных общих законов, рано или поздно с естественной необходимостью вырастает вся государственная машина: вначале суд, потом более или менее смягченная форма правительства, а затем и подходящая форма организованной силы. <...>

История государства есть история порабощения трудящихся масс, история гнета, грабежа и насилия. Государство всегда давило своей тяжелой лапой все стороны человеческой деятельности.

Под его ядовитым дыханием глохли искусства, умирала поэзия, погибали бесплодно благородные стремления к свободе и свету. <...>

Государство убивает человеческую личность и тем выражает благородные корни культуры умственной и моральной. В государстве нет свободных людей — в нем все чиновники или подданные. Его идеал — даже подданных сделать своими чиновниками, чтоб привязать всех к своей позорной колеснице и искоренить всякую возможность социальной революции. <...>

Буржуазия также делает все попытки к тому, чтоб привязать пролетариат к буржуазному государству и тем подкупить и развратить его. Умственных пролетариев она привлекает прямо на государственную службу. Промышленных рабочих она старается связать государственным страхованием. Государство старается забрать в свои руки возможно большее количество промышленных предприятий и стать хозяином возможно больших масс рабочих. Но все свои усилия оно направляет к тому, чтобы самые революционные элементы современного общества заинтересовать в своем существовании: с этой целью оно создаст так наз. «государственный социализм» и привлекает рабочих к участию в законодательной деятельности. Поэтому социал-демократия своей парламентарной тактикой бессознательно кует цепи, которые связывают рабочий класс и делают его орудием буржуазного государства.

Но идеал государственного порабощения осуществит только социалистическое государство: ведь там все — чиновники, даже больше — «промышленные солдаты»*. Трудно представить себе более сильное государство, трудно придумать более страшное рабство. Горе человечеству, если пролетариат продаст священное право свободы личности за чечевичную похлебку грубо-животного, стадного довольства... Нет! Пролетариат не оденет на себя страшного ярма государственной власти, потому что она не только не нужна ему, но и вредна.

Государство не нужно, потому что, с уничтожением классов, падает самая главная функция (отправления) — охрана господства *одного* класса. Все же остальные функции прекрасно могут исполняться частными вольными ассоциациями. <...> Даже в своей специальной области, в военном искусстве, государство бессильно, и успехи военного знания обязаны только вольным обществам, как не вышел еще ни один гений из патентованных

* Конец II гл. «Ком[мунистического] ман[ифеста]».

университетов и академий. Власть убирает инициативу, без которой невозможно ничто великое.

Зачем же нужно государство пролетариату? Угнетать ему некого, так как торжество пролетариата есть смерть классов и привилегий. Охранять существующую форму собственности бессмыслица там, где господствует полный коммунизм, т. е. собственность *всех*. Защищать установившийся порядок от изменений противно основным интересам рабочего общества, которое может только выигрывать от непрерывного развития новых форм общежития. Кому же нужна в будущем государственная власть, когда она может приносить только вред, внести разврат властолюбия, стать угрозой народной и личной свободы и убивать смелые порывы свободной человеческой личности?

Но, может быть, оно нужно для руководства производством? Какая ограниченность! Разве можно руководить производством, не руководя производителями? Разве можно «управлять вещами», не управляя господами вещей — людьми? Ясно, что невинное «руководство производством» скрывает под собой такую же форму господства, как капитализм или рабство, что мы показали уже выше. Устранять же перепроизводство и недопроизводство могут и вольные рабочие ассоциации посредством свободных соглашений, как это теперь довольно часто делают тресты. Почему капиталисты могут прекрасно регулировать производство без помощи, а иногда и за спиной государства, посредством простых договоров, а рабочие ассоциации* этого не смогут сделать? Почему хорошо поставленная статистика, при современных средствах сношений, не сможет еще больше облегчить задачу регулирования производства?

<...> Вот почему разрушить *государство уже значит совершить главную работу созидания нового общества*. Мы не хотим сочинить какой-то новый мир. Нет! Мы хотим устранить только с пути то препятствие, которое не дает современному обществу мирно перейти в другую фазу и явно толкает его к новому варварству и гибели. Мы видим, что в недрах современного общества вполне созрели начала коммунизма и анархии, а государство насильственно охраняет современный порядок нищеты, бесправия, невежества, и естественно сам собою напрашивается лозунг: *Долой Государство! Да здравствует анархия!*

* Собрания, союзы, организации.

Наша тактика

Каковы должны быть наши средства борьбы?

Тактика рабочего класса так же мала, как его идеал — свержение Капитала и Государства — не может быть придумана, сочинена, внесена извне. Нет! Ее нужно *открыть* в недрах современного общества. Нужно внимательно изучить, где те элементы, развитие которых разрушает существующее общество и создает новое. Открыв эти элементы, мы должны своей тактикой сознательно ускорять их развитие.

Как современные профессиональные рабочие организации — зародыш будущих вольных ассоциаций, так естественное орудие рабочего класса — стачка — есть зерно нашей тактики.

Мы видели, что пролетариат, вместе с развитием капитализма, все больше расширяет и углубляет свою борьбу: частичный стачки теряют свое значение, даже массовые переходят в генеральные (всеобщие).

Что должны делать мы — передовой отряд пролетариата? Мы должны сознательно ускорять стихийный ход борьбы рабочего класса: мы должны мелкие стачки превращать в генеральные, а последние превратить в вооруженное восстание рабочих масс против Капитала и Государства.

Во время этого восстания мы должны при первом удобном случае приступить к немедленному захвату всех средств производства и всех продуктов потребления и сделать рабочий класс *фактически* хозяином всего общественного богатства. Одновременно же мы должны беспощадно уничтожать все остатки государственной власти и классового господства: разрушать тюрьмы и участки, освободив заключенных, уничтожать все юридические акты о частной собственности, все полевые изгороди, межи, жечь долговые свидетельства, — словом, мы должны позаботиться о том, чтоб стереть с лица земли всё, что напоминает право на частную собственность. Взорвать казармы, жандармские и полицейские управления, расстрелять наиболее видных военных и полицейских начальников — должно быть важной заботой восставшего рабочего народа. В деле разрушения мы должны быть беспощадны, так как малейшая слабость с нашей стороны может стоить потом рабочему классу целое море лишней крови. Разрушая дотла все остатки господства Капитала и Государства, мы должны стараться возможно скорее начать

производство на новых началах, т. е. расширить существующие рабочие организации и их союзы и передать им производство. Начать дело должен каждый город отдельно и провозгласить Коммуну, т. е. союз всех свободных рабочих ассоциаций становится хозяином города. При первом удобном случае Коммуна городская входит в сношения и составляет союз с окрестными сельскими коммунами. Расширение союза, объединение всех коммун в одну громадную национальную или международную федерацию* есть дело дальнейшего развития.

<...> Бросьте рабское уважение к закону, берите все, что вам нужно! Накормите всех голодных и оденьте всех в чистые, праздничные платья! Разружьте свои грязные подвалы и переселитесь в роскошные палаты праздничных богачей! Кто вам будет мешать, того устраняйте с пути, как врага вашей свободы!» Как видно, мы — анархисты, имеем прекрасное средство прокормить бастующий рабочий класс...

Однако, нам могут сказать, что польза генеральной стачки не окупает страшных жертв, которые она должна стоить. На это мы даем ясный ответ. Мы охотно избавили бы пролетариат от лишних страданий. Но как это сделать? Мы убедились, что законодательные реформы почти ничего не дают рабочим или сводятся на нет буржуазией. Нужно поэтому, чтоб *сам* рабочий класс *своею* деятельностью, *своею* борьбой добивался лучшей жизни. А у рабочих есть только одно боевое оружие — стачка. Но частичная стачка с каждым днем всё притупляет свое значение вместе с ростом сил капитала, с увеличением союзов капиталистов. Одно могучее, неотразимое и страшное орудие осталось в руках работников — это всеобщая стачка. <...>

Но нам еще могут сказать: неужели вы мечтаете сломить такую грозную силу, как современное государство? Мы ответим, что генеральная стачка есть лучшее средство ослабить и уничтожить эту силу. Армия сильна только до тех пор, пока она сосредоточена в нескольких пунктах и вполне сохранила строгую дисциплину. Но что станет с армией, когда ей придется разбросаться по всей стране? Что станет с дисциплиной, когда солдат убедится, что он имеет дело не с кучкой «внутренних врагов», а со всем рабочим народом? Не вспомнит ли он, что и у него на родине остались родные, которые тоже бастуют и которым гоже угрожает смерть

* Союз автономных областей (Соед. Штаты С.-А).

от ружейного дула? Не дрогнет ли сердце рабочего в мундире перед грандиозным величием восставшего народа? Не проснется ли в нем братское чувство солидарности всех трудящихся, всех угнетенных? В ту минуту армия сразу станет бессильной перед лицом восставшего труда, и Государство рухнет при ликующих кликах освобожденная человечества.

Итак, для нас, анархистов-коммунистов, борьба экономическая и борьба политическая не представляют собою двух совершенно отдельных, друг от друга оторванных областей. Нет! Они сливаются для нас в одну и ту же борьбу *самого* рабочего класса против *всех* форм гнета — против Капитала и против Государства.

Только мы действительно проводим в жизнь великий принцип: *«Освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса»*, ибо мы не поручаем освобождение трудящихся кучке политиканов, взвалив на плечи пролетариата *только* жалкую борьбу за мелкие реформы. Мы убеждены, что *только* *прямая* борьба рабочего класса может и должна привести к полному разрушению существующего строя.

* * *

Мы можем поэтому нашу тактику формулировать так: *Участвуя в борьбе рабочего класса, руководя ею, непрерывно расширяя и углубляя эту борьбу, зажечь и поддерживать пожар гражданской войны до тех пор, пока мы не вырвем с корнем господства Капитала и Государства.*

Вот наше учение и вот наши средства борьбы! Пусть же исчезнет вздорная сказка о «новых варварах»! Мы хотим разрушить не культуру, а иго рабства: мы — «варвары» только для господ современных рабовладельцев...

Суровы средства нашей борьбы. Но разве мы виновны в этом? Жестокая жизнь нас толкает в битву и дает нам в руки железный молот, чтоб разить врагов беспощадно и добиться цели, нашей славной цели...

Мы идем спокойно, весело не потому, что нам не больно вечно звать к кровавой битве... Нет! Нет! Но потому, что там, вдали, за трупами героев, за баррикадами, залитыми кровью, за всеми ужасами гражданской войны, нам сияет уже величавый, прекрасный образ человека, *без бога, без хозяина и без власти.*

Мы ненавидим религию, потому что она лживыми сказками усыпляет душу, отнимает бодрость и веру в силы человека, веру

в торжество справедливости здесь на реальной* земле, а не на фантастичном небе. Религия все покрывает туманом: реальное зло становится призрачным, а призрачное благо — реальным. Она всегда освящала рабство, горе и слезы. И мы объявляем войну всем богам и религиозным басням. *Мы — атеисты.*

Мы ненавидим рабство во всех его видах. А разве «вольный рабочий» не раб? Разве кнут хозяйский не висит над головой пролетариата? Рабочий перестал быть рабом *одного* господина, *одного* хозяина... Но разве он не раб *всего* класса хозяев? Пусть возмутится современный раб и бросит своего господина — всё равно голод погонит его к другому хозяину и снова потянется лямка вечной работы, вечного голода, вечного рабства. Нужно вырвать с корнем деление людей на господ и рабов. *Мы — коммунисты.*

Мы ненавидим власть — эту вечную охрану рабства и врага свободы. Уничтожив господ, зачем оставить кнут господский: разрушив силу капитала, зачем оставить его защиту — Государство? Разве дать человеку хлеб значит раздобыть свободу? Ведь и свиньи в хлеву имеют корму... Не к мещанскому счастью зовем мы рабочих — мы зовем их к свободе, к абсолютной свободе. *Мы — анархисты.*

Мы хотим рассеять мрак и невежество и уничтожить предрассудки, чтоб понял пролетарий весь мир, понял самого себя и все величие человека. Мы хотим оторвать работника от вечных забот о желудке, дать ему разогнуть свою спину и открыть ему целый новый мир — мир прекрасных форм и чудных звуков.

К тебе обращаем мы речь, брат наш — рабочий! Проснись, оглянись вокруг! Посмотри, как ты унижен и как ты беден! Вспомни, что ты человек и что ты — ты создал весь этот мир богатства! Пойми, что пролетарии всех стран — твои братья, у всех вас одна задача — разрушить мир наживы и создать мир свободы, у всех одно средство — вооруженное восстание и насильственный захват всех орудий и всех продуктов труда... Горе врагам рабочего класса!

* Действительной.